

Пушкинский юбилей 1937 года в Чехословакии на фоне политической обстановки

Анастасия Копршилова*

«День русской культуры» был днем, объединяющим с первой половины 20-х годов по конец 30-х годов всех членов русской эмигрантской диаспоры.

Первое торжество под этим названием состоялось в 1924 году в Эстонии. Осенью того же года в Праге при Педагогическом бюро по делам средней русской школы за границей был основан комитет для подготовки празднования «Дня русской культуры» в тех странах, где осели русские эмигранты. Пражская подготовительная комиссия одобрила предложение А. Л. Бема приурочить празднование «Дня русской культуры» ко дню рождения А. С. Пушкина. Это предложение учитывало не только объединяющее значение творчества А. С. Пушкина, но было выгодно и с практической точки зрения: хорошая погода начала июня давала возможность проводить некоторые мероприятия праздника под открытым небом.

Политические, экономические и общественные условия в Чехословакии, гостеприимно принявшей первую волну русских эмигрантов и организовавшей им помощь на широком государственном уровне, были гарантией того, что в русских торжествах примут участие и граждане Чехословацкой республики. Это участие пред-

---

* Анастасия Васильевна Копршилова-Вуколова, магистр наук Карлова Университета в Праге, научная сотрудница Славянской Библиотеки при Национальной Библиотеке Чешской республики. Специалист по вопросам российской эмиграции в Чехословацкой республике (1920-1945 гг.).

ставляло собой не только денежную поддержку, но, главным образом, положительную реакцию прессы и присутствие представителей государства, политических партий правого уклона, военных (прежде всего, членов бывших чешских легионов в России) и деятелей культуры.

Состав Подготовительного комитета, избранный осенью 1924 года, оказался на удивление стабильным и в течение 14 лет своего существования мало менялся. В нем ежегодно повторялись имена: графиня София Владимировна Панина (чаще всего в должности председателя), князь Петр Дмитриевич Долгоруков, литераторы Альфред Людвигович Бем, Евгений Александрович Ляцкий, Владимир Андреевич Францев, журналист Сергей Иванович Варшавский, Иван Иванович Лапшин.

Пражский комитет не только организовал торжества в Праге, но и координировал их с аналогичными акциями, проводимыми в других городах ЧСР, например, в г. Пльзень, где жила колония русских инженеров, работающих на заводах Шкода, в г. Пршибрам, где жили студенты Пршибрамской горной академии, в гимназии в Моравской Тршебове, в г. Брно, Братислава, в городах Подкарпатской Руси (Ужгород, Мукачево), которая была тогда частью ЧСР, а с 1945 г. называется Закарпатская Украина.

Пражский комитет устраивал также поездки специалистов из Праги, которые в рамках празднования «Дня русской культуры» выступали с докладами перед теми, у кого не было возможности приехать из провинции в Прагу.

Пражские торжества 20-х годов отличались большим количеством разнообразных акций: доклады, концерты, балетные и оперные постановки, пьесы, выставки, спортивные состязания, показательные упражнения Русских соколов, торжественные шествия. Выпускались сборники статей, отчеты, посвященные этому празднованию, открытки и т.п. Торжества начинались молебнами в переполненном храме св. Николая в Праге на Староместской площади. Регулярно посылались благодарственные письма президенту Т. Г. Масарику и правительству ЧСР.

В первой половине 20-х годов в торжественных шествиях участвовали сокола в своих костюмах, русские девушки в сарафанах и кокошниках под развевающимися трехцветными российскими флагами.

Для каждого года выбирали одну центральную тему («А. С. Пушкин» [1925, 1927, 1937], «Москва», «Петр Великий», «Гоголевский юбилей»).

Просматривая программы «Дня русской культуры», явствует то, что вторая половина 20-х годов, несмотря на определенные сокращения в области финансирования русской акции, была их «золотым веком»:

– Лидеры русской эмиграции были еще полны энтузиазма и надежд (в конце 20-х годов им было приблизительно по 55-60 лет), все они работали (напр., читали лекции в Пражском университете), чешское общество относилось к ним с уважением.

– Русская студенческая молодежь, родившаяся в 1895-1905 гг., оканчивала, или уже окончила, свое образование и чувствовала еще потребность общаться с земляками, с людьми, у которых были общие корни, язык, религия, воспоминания.

– Чехословацкая государственная политика по отношению к русским эмигрантам и к СССР все еще отстаивала первоначальную идею: дать образование русской молодежи перед ее возвращением на родину, в СССР, который постепенно станет демократическим государством западного типа.

– В чешском обществе все еще господствовало русофильство.

– Представители СССР в Праге действовали в 20-е годы хотя и целеустремленно, но довольно «деликатно».

Дипломатические отношения между советским государством и Чехословацкой республикой формировались медленно и постепенно. Так, полуофициальный договор был подписан 5-го июня 1922 года. С 1918 года до этого момента в Праге все еще действовала Российская миссия уже несуществующего Временного правительства, представителем которой был Уполномоченный в Делах Владимир Трифильевич Рафальский. Военным атташе и представителем Русской армии ген. Врангеля в Праге был ген. Максим Николаевич Леонтьев. Оба они были регулярными членами пражского дипломатического корпуса. В. Т. Рафальский был на протяжении 20-х годов посредником между русскими эмигрантами и чехословацкими официальными учреждениями. В его ведомстве можно было оформить удостоверения личности и временные документы. Это нарушало централизованную регистрацию русских беженцев, которая очень скоро полностью перешла в компетенцию Министерства иностранных дел ЧСР (т.н. «пруказы»).

В 1921 году в Праге было учреждено торгпредство РСФСР во главе с Павлом Николаевичем Мостовенко, который с 9-го октября 1922 года стал первым частично официальным представителем РСФСР в Чехословакии.

Чехословацко-советский договор был подписан в Праге в 1922 году, исходил из признания *де факто*, а не *де-юре*. Поэтому до 1934 года, когда Советский Союз был принят в Лигу Наций, советские представители не могли считаться действительными членами дипломатического корпуса и пользоваться званием «посол» и «посольство».

Представителем Чехословакии в Москве был назначен Йосеф Гирса, русский чех из Киева и брат Вацлава Гирсы, врача, дипломата и одного из инициаторов русской акции. На этой должности он пробыл в Москве 10 лет. За этот период 4 раза сменили советских представителей в Праге: Павел Николаевич Мостовенко, Константин Константинович Юренев, Владимир Александрович Антонов-Овсеенко и Александр Яковлевич Аросев. Все они были убежденными большевиками. Это чередование представителей является свидетельством того, как трудно было находить подходящих людей для работы в условиях политической обстановки Чехословакии с учетом требований и сложной политической тактики со стороны СССР. Здесь надо упомянуть, что все советские представители более или менее добросовестно выполняли свои задачи: искали, находили и поддерживали контакты с представителями коммунистических партий, с левой интеллигенцией и молодежью. И все-таки, если мы посмотрим на их биографии в энциклопедиях, в глаза бросится год их смерти: Юренев — 1939, остальные — 1938. Они все погибли как жертвы сталинских чисток.

То, что ЧСР поддерживала многочисленную эмигрантскую колонию, вызывало у советской власти раздражение и негодование, но возможностей противодействовать этому у нее было не так уж много: можно было лишь внимательно следить за деятельностью русских эмигрантов и постепенно натравливать на них чешскую левую интеллигенцию и печать.

И русские эмигранты, со своей стороны, были вынуждены принимать во внимание постепенное изменение настроений чешского общества. Так, первым симптомом было исчезновение российских флагов с разных общественных мероприятий. (Последнее место, где они еще развевались при торжественных случаях была

Русская реальная гимназия в Моравской Тршебове). Подбор слов по отношению к СССР в публичных выступлениях русских эмигрантов также становился более осторожным и дипломатичным.

В начале 30-х годов уже ощущались значительные изменения во всех областях. Изменилось международное положение СССР, в Европе появилась новая угроза в лице фашистской идеологии, которая нашла своих сторонников в Италии и Германии, мировая экономика была охвачена глубоким кризисом. Надо было искать новых союзников и укреплять сеть взаимных договоров. 18 сентября 1934 года СССР стал действительным членом Лиги Наций. С этого момента изменилось и дипломатическое положение СССР — представительства стали посольствами, а представители — послами. Все советские протесты можно было перенести на более высокий дипломатический уровень.

2 мая 1935 г. Франция подписала с СССР новый договор (теперь уже не только на уровне *де-факто*, но и *де-юре*). Чехословакия подписала аналогичный договор 16 мая 1935 г. В начале июня министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш поехал в Москву — это была первая официальная поездка в СССР на таком высоком уровне. Подписание договора с СССР имело широкую поддержку чешской общественности.

Представители Министерства иностранных дел хорошо знали, что СССР крайне отрицательно относится к помощи российским эмигрантам со стороны Чехословакии. На закрытом заседании чиновников МИДа К. Крофта официально заявил, что «в будущем будет неприемлемо участие чехословацких официальных представителей в акциях русской и украинской антисоветской эмиграции».

20-ые годы мы назвали «золотым веком» «Дней русской культуры» в Чехословакии. В 1928 году, параллельно с русским комитетом начал работать чешский комитет, который занимался организацией «Дней русской культуры» для граждан Чехословакии. Комитеты работали совместно и сотрудничали при организации больших заседаний и конференций, которые были бы одному русскому комитету не по силам. С комитетами сотрудничали такие организации, как Национальный театр (в 1930 году в «Пиковой даме» выступал Федор Шаляпин), Чешская филармония, осуществлялся ряд радиопередач.

Однако все чаще на страницах печати появлялись критические голоса, утверждавшие, что «День русской культуры» чествует до-

революционную старую Россию. Представители русского комитета назывались «кадетами», «монархистами» и «белогвардейцами». Клеймо «кадетщины» прилипло к именам гр. Паниной и кн. Долго-рукова.

С 1935 года в соответствии с инструкциями Министерства иностранных дел прекратилась поддержка русских эмигрантов со стороны официальных представителей государства, что сильно повлияло как на престиж проводимых акций, так и на их финансовую сторону.

26 февраля 1936 г. состоялось первое заседание «пушкинского» комитета, задачей которого была подготовка чествований А. С. Пушкина, запланированных на 1937 год. Председателем был избран Е. А. Ляцкий, заместительницей С. В. Панина, секретарем намечался Н. Е. Андреев и вновь появились знакомые нам имена А. Л. Бема, С. И. Варшавского, Н. В. Зарецкого, И. И. Лапшина, В. А. Францева.

В протоколе заседания № 1 появились следующие слова: «Намечен был общий характер чествования: исключительно русский ([дополнено:] и эмигрантский), определяемый как тем, что чешское общество намерено чествовать величайшего поэта по преимуществу силами чешской науки и литературы, так и необходимо оградить себя от возможности недоразумений со стороны членов пражской советской миссии и их друзей».

Члены комитета предчувствовали возможность (или даже неизбежность) разных «недоразумений».

В № 3 (июнь) журнала *Прага-Москва*, возникшем в 1936 году (Ревью культурного и экономического сотрудничества ЧСР и СССР), появилась вступительная статья Зд. Неедлого, главного редактора журнала, «Мы и эмиграция», — острое выступление против Пушкинского комитета. Его деятельность была охарактеризована как прямое оскорбление СССР, советского народа и чествований Пушкина. Почему о Пушкине будут говорить люди, которые покинули свою родину и Пушкина? Со стороны русской эмиграции это бестактность не только по отношению к СССР, но и к ЧСР, к стране, оказавшей эмигрантам гостеприимство.

Ответ на статью З. Неедлого появился быстро, но не в Праге, а на страницах парижских *Последних новостей* 22-го июня за анонимной подписью «Зеть». В заключении статьи автор задает З. Неедлому 5 основных вопросов:

1) считает ли старый ученый, что собрание в память Павлова [русского физиолога-психолога) или чествование имени Пушкина — есть обязательно «чехословацко-советская манифестация»? Не относятся ли такие явление, как Пушкин и Павлов, к высшим проявлениям русской культуры, одинаково дорогим всем действительно культурным людям и прежде всего русским, вне зависимости от их взаимоотношений с советской властью?

2) Такая именно постановка вопроса, усвоенная чешскими учеными и учреждениями, приглашающими к соответствующим выступлениям русских эмигрантов, высоко-квалифицированных ученых, не есть ли подлинное и лучшее доказательство высоты и достоинства чехословацкой «науки и культуры», стоящей вне повседневной политики?

3) Не явился бы отказ со стороны русского эмигранта, теперь, к тому же, зачастую ставшего гражданином приютившей его страны, от такого приглашения актом элементарной и ничем не объяснимой бестактности, не идущей ни в какое сравнение с той предполагаемой, а на деле отсутствующей «бестактностью», о которой говорит автор разбираемой статьи?

4) Не признавая за эмигрантами права на вмешательство в политику приютивших их стран, можно ли отнять у них право и обязанность служить делу пропаганды великой культуры их великого народа?

5) Не является ли такая их (эмигрантов) деятельность powerful и, вместе с тем, ценным вкладом в сокровищницу мировой культуры?

В следующем же, 4-ом номере (июль, 1936), журнала *Прага-Москва* З. Неедлы ответил автору статьи в парижском издании. Он правильно предположил, что анонимный автор не парижанин, а проживающий в Праге русский. [Я считаю, что автором статьи был А. Л. Бем или Е. А. Ляцкий, или это был результат их авторского сотрудничества — А.К.]

З. Неедлы оставил вопросы без ответов и повторил, что пусть русские эмигранты чествуют Пушкина в своей среде и не навязывают свой эмигрантский подход к Пушкину чешскому обществу. З. Неедлы заметил, что эмигранты, покинув родину, перестали быть представителями «великого русского народа».

Статья в журнале *Прага-Москва* сильно повлияла на настро-

ение русской и чешской общественности. Русский подготовительный комитет, чтобы не усложнять положение, внес предложение чешскому подготовительному комитету о прекращении своего участия в запланированных совместных акциях. Вследствие столь неблагоприятных условий совместная деятельность была прекращена.

Празднование «Дня русской культуры» в честь пушкинского юбилея прошло очень скромно и незаметно 13 мая 1937 г. в зале Городской библиотеки. Из Парижа приехал приглашенный Ляцким писатель И. С. Шмелев и прочитал в первой части вечера доклад «Заветная встреча». В программе второй части была декламация и пение. С экономической точки зрения празднование не окупилось, и только с большим трудом Комитет оплатил расходы, связанные с арендой зала, и денежные расходы И. С. Шмелева. Впоследствии, в 1938 и 1939 годах, от прежней богатой программы остался лишь торжественный молебен в храме св. Николая.

Если мы могли назвать 20-ые годы «золотым веком» «Дней русской культуры» в Чехословакии, то все, что следовало после 1934 года, были только «сумерки» и «последние минуты заката» общественной и культурной деятельности русской эмиграции.

Лидеры русских эмигрантов постарели и утратили свой прежний энтузиазм и надежды. Им было уже около семидесяти и больше лет. Е. А. Ляцкий и В. А. Францев были вынуждены покинуть университет и уйти в отставку, что сопровождалось рядом интриг и оскорблений. Таким же оскорбительным был и отказ А. Л. Бему в возможности получить докторскую степень. С тем, что их упрекали за ошибочный и непрогрессивный с идейной точки зрения подход к русской литературе и истории, эмигрантские представители русской науки давно примирились, но в конце 30-х годов совершенно неожиданно появился новый упрек, с которым они не могли согласиться: их начали упрекать в том, что русский язык, который они употребляли, уже не соответствует тому языку, на котором общается новое советское поколение. Их язык, язык Пушкина, Толстого, Чехова, язык русских классиков и язык русской дореволюционной интеллигенции был назван архаическим, устарелым и окостенелым.

Изменилось чешское общество, постарели или ушли из жизни бывшие чешские друзья старой гвардии эмиграции. Изменилось настроение общества. Прежнее русофильство исчезало со стар-

шим поколением, а большинство представителей нового поколения разделяло левые, просоветские взгляды.

Официальная поддержка русской эмиграции со стороны чехословацкого государства была прекращена. Приоритет получила новая политика, ориентированная на Советский Союз.

Представители Советского Союза в Чехословакии энергично пропагандировали все положительные стороны советской действительности. На чешский язык было переведено много книг современных советских авторов. Советские фильмы пользовались большим успехом у зрителей. Организовывались поездки в Советский Союз профсоюзных делегаций, спортивных команд, деятелей культуры и науки. Отношение к русской эмиграции со стороны представителей Советского Союза оставалось таким же презрительным и враждебным. Окончательная ликвидация русской эмиграции осуществилась в 1945 году.

Были еще попытки продолжить традицию «Дней русской культуры» и после Мюнхенского договора в условиях Протектората Чехии и Моравии.

Как сложилась дальнейшая судьба членов Пушкинского комитета 1937 года? Гр. С. В. Панина покинула Чехословакию в 1938 году, ровесники и соперники Е. А. Ляцкий и В. А. Францев скончались в 1942 году и их могилы находятся рядом на Пражском Ольшанском кладбище. А. Л. Бем, кн. П. Д. Долгоруков, С. И. Варшавский были в 1945 году арестованы органами СМЕРШ и пропали без вести, Н. Е. Андреев был тоже арестован, но ему «повезло», и он, после двухлетних мытарств по советским тюрьмам, стал профессором русской истории в Кембриджском университете.

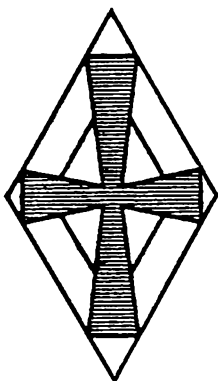
Уцелели двое: Н. В. Зарецкий, коллекционер и тонкий знаток автографов Пушкина, который покинул Прагу в 1951 году и умер в 1959 году в Париже, и И. И. Лапшин, скончавшийся в 1952 году в Праге.

Свою статью я посвящаю их памяти.

ЗАПИСКИ

РУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ
ГРУППЫ В США

ТОМ XXX

VOLUME XXX

TRANSACTIONS
OF THE ASSOCIATION OF RUSSIAN-
AMERICAN SCHOLARS IN THE U.S.A.

NEW YORK

1999-2000